

ВЗОЛОТОЕ времечко застоя, когда можно было все, кроме того, что нельзя, имена Осипа и Лили Брик вычеркивались из всех публикаций. Критики-интернационалисты из канцелярии Сулова внушали нам, что Маяковский во всем хороший, а Брики, начиная с фамилии, во всем плохие. Сначала они присосались к поэту, чтобы, купаясь в лучах его славы, обирать его. Потом, когда он им совсем надоел, они подделали рукой Лили (бывшей Каган) предсмертную записку и то ли заставили Маяковского убить себя, то ли убийли его сами. Правда, в 30-е годы они стали издавать поэта, но опять-таки чтобы грести бешеные гонорары.

Об Осипе Брик и сегодня знают многие, а между тем Маяковский, считавший его кладом премудрости, как-то совершенно серьезно сказал Николаю Асееву: "Почему вы не напишете поэму о Брик?"

Рисунок В. Маяковского. 1916 г.

"Поэма" написана. Называется она — "Осип Максимович Брик". Книга первая и пока единственная у нас. Автор ее — Анатолий Валюженич. Инженер-энергетик. Пока сусловская критика топтала Брик, умный и талантливый человек, одержимый идеей "бриковедения", на протяжении четверти века писал и по крупицам складывал книгу, которую можно назвать и поэмой-портретом, и путеводителем по Брику, и маленькой энциклопедией по бриковскому окружению с неизменно центральной фигурой в нем — Маяковским.

ЧТО ЖЕ конкретно читатель узнает из книги? На двери бриковско-маяковской квартиры часто вывешивался плакат — "Сегодня Брики никого не принимают", что означало: хозяйка круглосуточно просиживают за карточным столом. Из этого следует, что Брика и Маяковского сближали не только Лили Юрьевна и революция, но и страсть к азартным играм.

Происхождение Брика не самое respectable. Отец, Макс Павлович (Меер Гоziас) Брик, — купец 1-й гильдии, сам сын купца, владелец торгового дома "Павел Брик, Вдова и Сын", занимался посреднической деятельностью, скупая главным образом черные кораллы в странах Средиземноморья и перепродавая их в Сибири и Средней Азии. Мать, Полина (Паулина) Юрьевна, урожденная Сегалова, — женщина образованная и культурная, радовалась, что купеческая деятельность мужа протекает не на виду у детей и знакомых, а на стороне. Позже, в 1921 году, Осипа Брика во время чистки как сына купца исключают из РКП.

Учился в престижной 3-й Московской гимназии, куда евреев принимали по строгой норме — два мальчика ежегодно (уже тогда Осип был евреем). В 1911 году заканчивает Московский университет, полу-

чив диплом специалиста по гражданскому праву.

Стихи начал сочинять рано. При Маяковском стихов не писал ("Ну как я мог писать стихи при Володе?"). После смерти Маяковского напишет оперное либретто в стихах "Камаринский мюзик". За песенным, немаяковским ритмом нельзя вместе с тем не услышать отзвук стихов Асеева и Маяковского одновременно: "Нам такие речи — / будто мед льется. / Им перечить / кто возьмет-ся? / Были и мы / ими хмельны. / Разохотились, / осмелели. / Да ох!.. тяжелое / было похмелье!"

Культурной программы большевиков поначалу не принял, назвав ее вандализмом ("Если предоставить им свободно хозяйничать в этой области, то получится нечто, ничего общего с культурой не имеющее..."). Вместе с тем называет себя "швейцаром революции", говорит, что "открывает ей дверь".

ленным ученым, — полное отсутствие какого бы то ни было честолюбия. В Шершеневич как-то сострил: "В своей логике Третьяков страшнее Брика. А Брик, как известно, — учебник логики, поставленный на ноги".

РАЗНООБРАЗНЫЕ таланты и увлечения этого человека должны, однако, ступать перед даром Брика-филолога. Весной 1917 года "за масленичным столом на квартире у Брик" Якубинский, Яковсон, Кушнер, Эйхенбаум, Поливанов, Бернштейн, Шкловский, Тынянов и др. основали "Общество изучения поэтического языка". В одном из сборников ОПОЯЗа Брик опубликовал свою первую крупную работу — "Звуковые повторы".

Роман Яковсон рассказывает, как в 1919 году высокообразованный специалист по средневековью Б. Ярхо, прочитав в Московском лингвистическом кружке

доклад на тему "О так называемых трохических тетраметрах в каролингских ритмах", удивился высокому уровню дискуссии. Особенно его поразили меткие замечания Брика. "Профессор Ярхо не мог поверить, — пишет Яковсон, — что Брик, окончивший юридический факультет и никогда не проходивший специального курса по литературе и искусству, так быстро схватывал и делал такие меткие наблюдения по поводу не только средневекового латинского стихосложения, но, к великому удивлению классика-филолога Румера, даже о запутанных проблемах древнегреческих просодий".

Продолжением начатого стала работа 1927 года "Ритм и синтаксис". Отличительные черты мышления Брика-филолога — все та же "способность к тщательному и точному анализу с четкими определениями, к твердо обозначенной, смелой, иногда парадоксальной схематизации" (Яковсон).

Возникает, однако, вопрос: почему при столь ярких филологических способностях деятельность Брика-исследователя после смерти Маяковского, по существу, прекратилась? Очевидно, не только из-за отсутствия честолюбия. Не хватало воздуха. К началу 30-х судьба левого искусства фактически была преддана. Интерес к нему, даже научный, квалифицировался не иначе, как уступка буржуазной идеологии. Так, в 1934 году Брик в "Литературной газете" публикует статью "Дух простокваши", в которой, полемизируя с О. Бескиным (автором брошюры "Формализм в живописи"), защищает искусство Тышлера, Штеренберга, Шевченко, Удальцовой, Филонова и др. И что же? Через два дня "Правда" выступает с разгромной статьей "Адвокат формализма", а еще через два дня "Литературная газета", каясь в допущенной ошибке, сама клеймит своего автора: "Как правильно указано в 'Правде'... статья О. Брика замалчивает реакционную сущность формализма, его чуждый нам буржуазный характер, его опасность для советской живописи".

Вышедший в канун первого съезда писателей "Альманах с Маяковским" был встречен критикой настороженно. Не потому ли Брик так и не написал о Маяковском ни задуманной книги, ни воспоминаний?

ИЩЕ об одном примечательном факте в биографии Брик и Маяковского — о пресловутой "любви втроем". Рассуждать об этом бессмысленно. Послушаем, что говорят сами герои "семейного романа", и прежде всего Лили Юрьевна. Маяковский, мы знаем, назвал дату своего знакомства с Бриками "радостнейшей". Чтение вслух только что написанного "Облака" произвело на них оглушительное впечатление. Вся поэзия казалась никчемной — писали не те, и не так, и не про то, а тут вдруг и тот, и так, и про то. Тем не менее последующие два с половиной года ни о какой любви говорить не приходится: "Я сразу поняла, что Володя гениальный поэт, но он мне не нравился". И только в 1918 году Лили Юрьевна могла с уверенностью сказать Брику о своем серьезном чув-

стве, добавив, что немедленно уйдет "от Володи, если ему, Осе, это тяжело". Брик был очень серьезен и ответил, что "уйти от Володи нельзя" и что он только об одном просит — никогда не расставаться. Так все и произошло — они не разлучались до конца жизни. "Я была Володиной женой <...> Мы с Осей больше никогда не были близки физически, так что все сие т.п. о "треугольнике", "любви втроем" и т.п. — совершенно не похоже на то, что было".

И все же, какое место в этом необычном союзе занимал Брик? Не чувствовал ли он себя третьим лишним, бедным родственником? Ничуть не бывало! Внутренне он был как раз самым свободным из них, и, хотя "Володя во многом перестроил Осню мышление, взял его с собой в жизненный путь", Брик как генератор идей, как очень чуткий, все понимающий человек нужен был им ничуть не меньше, чем они ему. Более того, "если бы не Ося, — пишет Лили Юрьевна, — я любила бы Володю не так сильно. Я не могла не любить Володю, если его так любил Ося". Разумеется, содружество этих людей было отнюдь не безоблачным, а любовь поэта пронизана редкими по силе выражения трагическими мотивами, однако стихи и быт, поэзия и жизнь, пребывая в каком-то странном родстве, не всегда, как мы знаем, совпадают. Были беды, боли и обиды, но был и быт — порой налаженный. "По утрам Владимир Владимирович просыпался раньше всех и в нетерпении ходил мимо двери Осипа Максимовича. Если оказывалось, что он уже не спит, а лежа в постели, читает или разыгрывает партию по шахматному журналу, В. В. требовал, чтобы он немедленно шел завтракать. Самовар кипел, Владимир Владимирович заготавливал порцию бутербродов, читались и обсуждались сегодняшние газеты и журналы. Когда Осип Максимович работал над литературой сороковых годов, Владимир Владимирович просил, чтобы он докладывал ему обо всех "последних новостях сороковых годов" или же о чем-нибудь другом, чем Осип Максимович занимался в это время. <...> Так начинался каждый наш день долгие годы".

ЛИЛИ всегда права, говорил Маяковский. Не подвергая сомнению слова поэта, посмотрим, однако, на ситуацию со стороны — глазами тех, кто, возможно, ошибался или был крайне субъек-

тивен, но никогда, как мне представляется, не врал. В разговоре с Л. К. Чуковской Ахматова как-то сказала, что термин "внутренние эмигранты" пустили в ход относительно нее и Мандельштама Брика и что знаменитый салон должен был бы называться иначе... И половина посетителей — следователи. Всемогущий Агранов был Лилиным очередным любовником. Он, по Лилиной просьбе, не пустил Маяковского в Париж, к Яковлевой, и Маяковский застрелился.

Оспорить Анну Андреевну трудно, поскольку ее суждение не опровергается и не подтверждается документально — кроме разве того, что у Брик действительно среди посетителей бывали чекисты, да и сам Брик одно время работал в ВЧК в качестве юрисконсульта. Серьезное возражение вызывает лишь то, что Маяковский застрелился якобы из-за отказа ему в поездке в Париж к Яковлевой: слишком поверхностное объяснение причин трагедии.

Небесспорно и другое высказывание Ахматовой о Бриках, но оно нам важно как мнение из иного лагеря. Посетив по издательским делам квартиру Брик, Чуковская замечает, что ей показалось, что Лили Юрьевна без всякого интереса относится к стихам Маяковского: "Очень плохо представляю себе там, среди них, Маяковского". "И напрасно, — возразила Анна Андреевна. — Литература была отменена, оставлен был один салон Брик, где писатели встречались с чекистами... И вы, и не вы одни, неправильно делаете, что в своих представлениях отрываете Маяковского от Брик. Это был его дом, его любовь, его дружба, ему там все нравилось. Это был уровень его образования, чувства товарищества и интересов во всем. Он ведь никогда от них не уходил, не порывал с ними, он до конца любил их... Он, так же как и они, бывал и темен, и двуязычен, и неискренен... Но это не помешало ему стать крупнейшим поэтом XX века в России".

МАРШРУТЫ путеводителя по Брику многообразны. А. Валюженич воспроизводит их с тщательностью архиваризуса, прекрасно ориентируясь в коллизиях судьбы и творчества своего героя. Укажем в заключение еще на одно свойство его таланта. Рационализм и логика Брика неотделимы от его склонности к афористически емким, порой парадоксальным суждениям. Вот некоторые из них.

"Я прекрасно отношусь к людям, потому что ничего хорошего от них не жду".

"Асеев сентиментален и бессердечен".

"Дурак не тот, кто говорит глупости, а тот, кто не замечает, что их говорит".

"Отличие хороших стихов от плохих. В хороших запоминаются хорошие строчки, а в плохих плохие".

"Бог есть, но я в него не верю".

Олег СМОЛА

Маяковский В.

Бог есть, но я в него не верю

Вст. гл. - 1994 - 22.6.94 - с. 6.

Путеводитель по Осипу Брику